

Хотя на столе было всего два блюда, вся семья нахваливала без конца: мол, Янь Ци показал у печи настоящее мастерство. Особенно тушёный сушёный тофу — вкус, будто мясо, да такой, что рис с ним ели за обе щёки.

Янь Ци от похвал смутился так, что даже неловко стало тянуться за едой.

— Всего лишь простая стряпня, — тихо сказал он. — Наверное, просто в первый раз пробуете, потому и кажется вкусным.

— Да что там! — возразила Е Супин. — Вкусное есть вкусное. Я сама готовлю грубо: то пересолю, то не досолою, а уж твой старший деверь и вовсе никудышный. Его еду и пёс бы не тронул.

Хо Фэн поперхнулся и поднял голову:

— С чего это и я под раздачу попал?

Е Супин метнула на него косой взгляд:

— Скажи сам, так ведь и было? В прошлый раз ты сварил так, что даже Здоровяк отвернулся.

— Это потому, что он в горах дичи наедается, — возмутился Хо Фэн. — У него аппетит избалованный. В нашей деревне разве есть ещё собака, которая питается так, как он? Да у многих людей жизнь куда скромнее. Верно, Здоровяк?

Лежавший в стороне пёс повёл ушами и, не поняв смысла, только наклонил голову набок.

Оба спорили с жаром, а Янь Ци, переводя взгляд то на одного, то на другую, едва удерживался, чтобы не рассмеяться, и всё же робко прикусил губы, боясь показать веселье слишком явно.

Хо Лин увидел, что тот держит чашку и почти не ест, сам подложил ему пару палочек овощей, наклонился ближе и тихо сказал:

— Не обращай внимания, они через день да через два так переругиваются.

Янь Ци тихо откликнулся, отправил в рот кусочек и, чуть повернув голову, незаметно посмотрел на Хо Лина. Видя, как тот ест с аппетитом, не поднимая головы, он невольно слегка приподнял краешки губ. Кто сам готовит, тот часто ест мало, зато, когда видишь, что другим твоя стряпня нравится, вот тогда и есть самая настоящая радость.

Пообедав, они было поднялись вместе убирать со стола, но Хо Фэн не позволил:

— Кто готовил, тот посуду не моет. Я с женой управляюсь.

Хо Ин тоже подросла, помогала носить миски и чашки, потом вместе с матерью присела у таза полоскать их, так что на кончике её носа заблестели капельки воды. Хо Фэн тем временем, нагнувшись, драил чугунок, а вычерпав грязную воду, выплеснул её в сторону.

В доме стоял живой, весёлый шум. Хо Лин поглядел на них, потом вернулся к себе в комнату и заговорил с Янь Ци о том, что послезавтра собирается в горы. Янь Ци сидел на краю лежанки, только что достал корзинку с нитками и иглами, и, услышав это, сразу же решил, что речь идёт и о нём.

Он поспешно отложил всё из рук и спросил:

— Что надо приготовить? Я слышал от старшей невестки, что раньше тебе всегда делали побольше сухого пайка. Но если я пойду с тобой, в горах можно будет готовить прямо на месте.

Каким бы сытным ни был сухой паёк, всё равно он не сравнится с тем, что приготовлено на месте, вкус совсем другой.

Но Хо Лин лишь покачал головой:

— Тебе ещё нужно поправляться, на этот раз не пойдёшь со мной.

— Я уже вполне в порядке, — Янь Ци явно был недоволен. Он ведь вышел за Хо Лина замуж и считал: если не ходить вместе с ним в горы, а отсиживаться внизу, то что же это за жизнь?

Хо Лин, однако, всё обдумал и не уступал:

— В следующий раз обязательно возьму тебя с собой. Но сейчас нельзя. Не смотри, что здесь весна: в горах всё ещё холодно, снег не растаял. Подхватишь там новый недуг, и опять придётся пить горькие отвары.

Он смягчился и добавил:

— Я недолго, дней семь-восемь. К первому числу я на ярмарку не попал, зато к пятнадцатому обязательно нужно успеть.

О том же, что дом в горах и впрямь, как говорил Хо Фэн, в полном беспорядке, он умолчал. Сам он привык жить кое-как, и брат, заглянув, не счёл бы это стыдом. Но показать такое Янь Ци было никак нельзя. Вот он и решил: пока идёт один, успеет всё прибрать и хотя бы довести жильё до вида, за который не стыдно.

Сказав это, он заметил, что Янь Ци опустил голову и молча теребит отрез ткани: помял его, а так и не сделал ни единого стежка. Хо Лину стало неловко; подумав немного, он подсел ближе.

Когда рядом вдруг оказался высокий крепкий мужчина, Янь Ци почувствовал, будто свет лампы сразу потускнел, как если бы его заслонили. Пришлось слегка повернуться и поднести ткань к самому свету, но Хо Лин мягко прижал его руку.

— Днём дошивай. В таком сумраке портить глаза не стоит.

Янь Ци, видя, что Хо Лин настаивает, отложил работу: положил ткань, а иглу воткнул в моток ниток. Помолчав немного, он спросил:

— Ты и вправду не возьмёшь меня с собой?

Хо Лин встретил его взгляд и чуть было не согласился, но едва удержался.

— В следующий раз, — твёрдо сказал он. — А пока и в доме хватит забот.

Янь Ци решил, что у мужа есть иные замыслы, и внимательнее вслушался. Неожиданно разговор повернул к свадьбе.

— По правде, я мог бы уйти и завтра, — продолжил Хо Лин, — но думаю, задержусь до послезавтра. В деревне Шуанцзин есть плотник: я ещё несколько лет назад отложил несколько кусков старого вяза, хотел к свадьбе мебель заказать. Теперь самое время: нужно поставить сундук да новый шкаф, пока не поздно. А потом выбрать благополучный день в этом месяце.

Он говорил довольно долго, и, заметив, что гер молчит, невольно спросил:

— Или, может, что-то не так?

Янь Ци поспешно покачал головой:

— Нет. — опустив глаза, он добавил: — Просто я не думал, что ещё нужно устраивать свадебное угощение... Это ведь стоит немало серебра?

Хо Лин усмехнулся:

— Это другое дело. Такие вещи не отменяют из-за расходов, ведь за всю жизнь делаются всего лишь один раз.

Да, один-единственный раз в жизни... Какой гер не мечтал о своём дне свадьбы? Янь Ци когда-

то тоже представлял, но давно уже считал, что ему не суждено.

Теперь же в его взгляде мелькнуло волнение, глаза заблестели:

— По нашим обычаям новобрачный гер должен сшить мужу новый наряд и новую пару обуви.

Хо Лин прикинул в уме, сколько же это труда, и мягко возразил:

— Ты сперва позаботься о своём. Для меня не спеши: перед Новым годом невестка помогла мне сшить новый костюм. Кроме как на праздники, я его и не надевал, на вид как новый. Надену красный пояс и сгодится.

Янь Ци пересчитал дни и спросил у Хо Лина, когда тот собирается устраивать свадебное угощение. Услышав, что дату ещё предстоит выбрать, но скорее всего это будет в марте, он понял, что времени действительно может не хватить.

Сейчас у него была всего одна пара одежды. Если в день свадьбы надеть её, то даже заранее постирать не получится, нечем будет сменить.

— Ладно, одежду пока не буду шить. Но обувь я непременно сделаю, — сказал он.

Он опустил глаза на большие ноги Хо Лина, прикинул размер и невольно поразился. Если выкроить по этой мерке, то выйдет, что пара башмаков по величине почти как две его собственные.

— У невестки есть твоя мерка для обуви?

Хо Лин кивнул.

— Завтра я попрошу её. Пока погода ясная, нужно сперва проклеить заготовку и высушить, потом склеить подошвы. А дальше хоть пришивать подошвы, хоть шить верх — всё можно делать в свободное время, — рассудил Янь Ци.

И тут же добавил, глядя на Хо Лина:

— Я просто зажгу лампу поярче, и ты позволишь мне посидеть над этим хотя бы с полчаса вечером. Днём ведь и так полно другой работы.

Отказав Янь Ци идти в горы, в этом деле Хо Лин уж не мог не согласиться. Он уступил и, взяв иглу, аккуратно подправил фитиль лампы. Как только огонёк вспыхнул, комната озарилась куда ярче. Янь Ци с удовлетворением склонился над шитьём, вдевая нить в иглу, и не сразу

заметил, что Хо Лин снова уселся рядом прямо за его спиной.

Говорят, при лампе особенно ясно видна красота. Черты Янь Ци и впрямь были тонкими и изящными, только раньше их скрывала болезненная бледность. Но за эти дни болезненный налёт сошёл, на губах проступил румянец, и при свете огня его облик засиял ещё яснее, невольно будоража сердце.

Прежде после ужина Хо Лин то шёл во двор возиться с собакой, то находил ещё какое занятие, а к кану возвращался лишь, когда от усталости клевал носом. Но сегодня, увидев, как гер склонился над работой, он не захотел уходить далеко. Немного поразмыслив, он достал из корзины для шитья деревянный гребень.

— Давай я причешу тебе волосы, — предложил он.

От этих слов Янь Ци почувствовал неловкость и смущение.

Когда Янь Ци впервые пришёл в дом Хо, в его волосах кишели вши. Хорошо ещё, что в ту первую ночь он лёг спать, плотно обмотав голову тканью, так хоть не перепачкал постель. Наутро он поспешил вымыть голову, и сделал это именно по этой причине.

Е Супин специально ради него сходила в соседний двор разузнать, раздобыла у людей пакетик с лекарственным порошком. Тот насыпали к самым корням, укутали волосы на какое-то время, а когда смыли, на поверхности воды всплыло множество мёртвых паразитов. После этого Янь Ци ещё и подрезали кончики вместе с нераспутавшимися колтунами и высохшими прядями, которые потом завернули в тряпицу и сожгли.

Травы дал дом Сун: у их гера по матери был родственник-знахарь, немного разбиравшийся в лекарственных травах. Он уверял, что порошок надёжный: и в самом деле, с первого раза перебил всю нечисть. Но Янь Ци всё равно оставался настороженным, и в эти дни по два раза в день сам тщательно прочёсывал волосы.

Хо Лин знал о его привычке, и раз уж гребень оказался у него в руках, решил сам заняться этим делом.

Янь Ци не посмел возразить. Муж ведь, отказывать в такой малости выглядело бы излишне отчуждённо. Он чуть склонил голову и доверился. Хо Лин снял с его волос повязку и начал прочёсывать прядь за прядью от самой макушки вниз. Длинные, до пояса, волосы заняли у него немало времени, пока он довёл каждую прядку до конца.

Волосы у гера всё ещё были немного жёсткими, стоило чуть сильнее потянуть, и гребень застревал. Хо Лин старался быть осторожным, но всё же несколько раз задел, и, услышав сдавленный вздох от боли, с неловкой виноватостью ладонью потер ему макушку. Янь Ци почувствовал лёгкое щекотание и невольно улыбнулся.

— В следующий раз, когда бродячий торговец придёт в деревню, — сказал Хо Лин, — у него бывает душистое масло для волос. У невестки моей есть. Если попадётся, купи и себе. Если долго пользоваться, волосы станут чёрными и блестящими.

Сказав это, он вдруг вспомнил: у Янь Ци на руках совсем нет денег. Если он сам уйдёт в горы, и гер и захочет что-то прикупить, всё равно не сможет.

Он отложил гребень, пошёл к своей корзине, что принес с горы, порылся там и достал связку медных монет. Не считая точно, на глаз прикинул — должно быть, вэней пятьдесят с лишком.

— Вот, возьми.

Янь Ци сжал в ладони пригоршню монет и ощутил их тяжесть.

— Это слишком много, — смутился он.

Дома он никогда не держал в руках таких денег. Семья была небогатая, и все сбережения хранились у матери в запертом сундуке. Сам он, бывало, только семь-восемь вэней имел: хватало на ленточку для волос или пару кусочков карамели, и тому радовался.

— Разве же это много? — возразил Хо Лин. — Маленький пузырёк душистого масла для волос стоит не меньше двадцати вэней.

Он добавил:

— Основные мои деньги все хранятся в горах, с собой я много не взял.

Сказано было так, что, наоборот, выходило — он считает, будто дал ещё мало.

Янь Ци, сжав в руке монеты, не знал, куда их пристроить. Но это решалось просто: он взял обрезки ткани, что остались после кроя, и вскоре сшил маленький мешочек. Вывернул, спрятал швы внутрь, а в горловину вдёрнул тесёмку — стоило затянуть, и аккуратный кошелек был готов.

Хо Лин никогда прежде не вглядывался, как другие управляют с иглой, а тут, глядя на ловкие пальцы Янь Ци, и вовсе не мог оторваться.

— У корзины карман большой, иной раз кажется, что деньги в нём небезопасно держать. А вот с таким мешочком куда удобнее, — заметил он.

Янь Ци, услышав это, не колебался, поспешно протянул только что сшитый кошелек:

— Ты пока возьми этот. А я потом ещё один сделаю себе. Всё равно эти деньги я из дому не ношу.

И, чуть смутившись, добавил:

— Я его наспех скроил, выглядит не слишком ладно... ты только не взыщи.

— Вовсе нет, — мягко возразил Хо Лин. — Я нахожу, что он очень хорош, в тон твоей новой одежде.

Будто боясь, что Янь Ци передумает, он тут же перехватил мешочек. У Янь Ци в ладони он выглядел довольно вместительным, а в его крупной руке совсем крохотным, изящным. По правде сказать, больше пяти-шести десятков медяков туда не влезало, но Хо Лин всё равно был доволен.

— Ну вот, буду пользоваться.

Получив кошелек, он довёл расчёску до конца: густые пряди Янь Ци под его сильной рукой заскользили мягко, голова у молодого гера пошла кругом, и после долгих стежков с иглой на глаза навалилась дремота.

В деревне жизнь текла просто: вставали с первым криком петухов, ложились рано, и не в последнюю очередь, чтобы экономить масло в лампах. Хо Лин поглядел на полуприкрытые глаза зевнувшего Янь Ци и, поднявшись, увёл его умыться.

Вдвоём они делили повседневное: взяли щётку из свиной щетины, поочерёдно обмакивали в соль, чистили зубы. Потом в одну чашку плеснули воды, намочили полотенце, умылись, и напоследок Хо Лин принёс таз с горячей водой для ног.

В отваре плавали ломтики старого имбиря для согревания. Пользоваться им должен был лишь Янь Ци.

Вода была чуть горячее обычного, так лучше раскрывался запах имбиря, наполнявший всю комнату едким, но согревающим духом. И толк от него и впрямь был: после такой ванночки тело будто разливалось теплом.

Не один лишь Янь Ци почувствовал облегчение, Хо Лина эта горячая, прятая жара тоже зацепила. Если честно, он разгорячился ещё когда расчёсывал длинные волосы гера, и лишь просторная одежда позволила скрыть смущающую правду. Теперь же, когда огонь в лампе погас, и они легли на широкой лежанке, Хо Лин недолго мог оставаться неподвижным. Спустя несколько мгновений он всё же повернулся и вытянул руку, притянув к себе супруга. Янь Ци вмиг напрягся, словно боясь пошевелиться. Хо Лин заметил это и стал ладонью осторожно гладить его по спине, стараясь успокоить.

Гер был таким худым, что под пальцами прощупывались одни рёбра. Казалось, чуть сильнее прижмёшь, и он рассыплется. Хо Лин оберегал его, и, поддаваясь внутреннему порыву, осторожно втянул ближе в объятие.

Янь Ци же ясно понимал: кое-что неизбежно случится рано или поздно. Он глубоко вдохнул, затем другой раз, и тихо ослабил напряжение, позволяя себе лечь боком и прижаться к горячему телу. Его лоб скользнул и замер на плече Хо Лина.

Теперь уже Хо Лин на миг оцепенел. Он ведь всё ещё обдумывал, как бы сказать о том, что лучше убрать лишнее одеяло... но не успел открыть рта, как под одеялом рядом с ним оказался ещё один человек. Тут уж ясно стало: Янь Ци всё понял по-своему.

Хо Лин заговорил, и голос его прозвучал хрипловато:

— Я ведь только... хочу быть к тебе ближе. Остальное не сейчас.

Но сказать легко, а сдержаться трудно: кровь у молодого мужчины горячая, да и столько лет он жил один. Теперь, когда в его руках оказался супруг, удержаться до конца было непросто. Если бы тело и вовсе не отозвалось, стоило бы бежать к лекарю.

Янь Ци же никогда не знал плотской близости. Сначала он и не осознал ничего, но вскоре ощущения сделались такими явными, что уже нельзя было не понять. И тут-то лицо его запылало, словно только что вынутый из пароварки маньтоу.

И именно в этот миг Хо Лин придвинулся ещё ближе — высокий, широкоплечий, он наклонился так, что подбородком уткнулся в изгиб шеи гера. И сдержанным, низким, почти надломленным голосом прошептал ему что-то на ухо...

<http://bllate.org/book/13599/1205866>